

ПРЯМО оторопь берет, когда читаешь в разных изданиях интервью с известными актерами, режиссерами. В один голос они говорят чуть ли не об агонии театра, об утате к нему зрительского интереса, об отсутствии такого интереса, об отсутствии новых театралыных идей... Есть, конечно в этом преувеличение. Но не такое уж большое. Действительно, театр перестал быть для зрителя храмом, учителем жизни. Ему в значительной степени перестали верить. И понятно, что трудно жить, когда тебе не верят, когда в тебе не чувствуют нужды те, ради кого ты существуешь. Трудно, но, как уже не раз сказано, надо жить. И театр живет. И не только в стальных городах, где командированные да проезжие хотят посмотреть «живьем» на артистов, знакомых по кино да телевидению. Но и там, где служители Мельпомены и Талии, не узнаваемые на улице даже жителями родного города, тем не менее выходят каждый вечер на сцену, чтобы вести пусть с немногочисленными зрителями разговор о жизни, о любви, о добре и зле.

Вот такой театр работает и в промышленном, задымленном разноцветными дымами Днепродзержинске. В городе напрочь лишенном театральной традиции, ибо за десять лет, которые существует театр, можно приобрести поклонников, но традиции не создашь. Непростые это были десять лет. Менялись главные режиссеры, директора. А это всегда создает у коллектива ощущение какой-то непрочности, побуждает жить одним днем. Отсюда и трудности с репертуаром, который, скажем так, не всегда соответствовал понятиям о настоящем искусстве, а больше был нацелен на кассовый сбор. Надо было жить.

— А как вы живете сегодня? В такое непростое для всех и особенно театра время? — задаю этот вопрос директору театра А. Малиновскому. Анатолия Григорьевича из своей среды избрал коллектив, которому надо было навязывавшиеся ему ранее аппаратчики, не знающие разницы между рампой и рамкой, но уверенные в своем праве руководить. Молодой, энергичный актер, наделенный организаторскими способностями, вошел в новую для себя роль со всей ответственностью. Артистизм в ней — качество необходимое.

— Как живем? — повторил он вопрос. — Крутимся. На выездных спектаклях зрителя побольше, чем на стадионах. Значит, идём. Городские власти финансово поддерживают театр. Спасибо нашему спонсору, заводу «Вагонмаш». Он здорово помогает. Надо пережить трудное время. Улучшится жизнь людей, они потянутся к театру обязательно. Мы верим в это. Вот и в Киев рискнули приехать, проверить свои силы.

Гастроли были короткими, но успешными. Это увы не значит, что зал Молодежного

театра, где выступали днепродзержинцы был битком набит. Но тот, кто побывал на спектаклях, как правило, уносил чувство радостного удивления, которое наступает после встречи с чем-то неожиданно хорошим. Нашли своих поклонников драматические спектакли «Волчица» и «Нельская башня». Но не о них пойдет речь, ибо подобные спектакли, лучше или хуже, можно увидеть и здесь, и в другом каком-либо театре. Можно спорить о выборе драматургии, о каких-то деталях, но ведь бесспорны творения только гениев, да и то не каждый их приемлет. Пожалуй, больше всего зрителей было на детском спектакле «Соловей» по сказке Андерсена. Приходили классами, школами и уходили удовлетворенными, столь силь-

но, чтобы он понимал тебя. Тогда они придет еще и еще и детей потом приведет. Мы ведь ориентируемся на молодежь.

— А как рождаются балеты, ведь они не созданы на какие-то известные сюжеты?

— В основе всего музыка, хорошая, мелодичная, но не широко известная. Она ведет, из нее рождаются образы, а потом уже сюжет.

Так что перед нами совершенно оригинальные произведения. Сам А. Бедьчев сейчас танцует мало. Но когда его Проповедник идет на коленях из глубины сцены, воздев руки к небу с мольбой извратить его от желаний, пробужденных Блудницей, спазм сжимает горло, такова сила чувства в этой сцене. Не смог Проповедник обратить Блудницу на путь истины, не смог и защитить ее

возвратно. У этой скользкой фигуры на сцене своя смысловая нагрузка. Как и в Дриаде и в Женщине из «Оборотня», образе глубоко трагическом, но несущем светлое начало истинной любви. А рядом шаловливая, непосредственная Фея Маб (Королева Снов) из «Фатума». Не просто танцовщица, а актриса огромной самоотдачи, А. Конькова привносит в каждый образ свое видение, свою мысль.

Не удивительно, что при такой расстановке сил в театре «Слепые» М. Метерлинка решены как пластическая версия драмы. Иное очевидно было бы не в природе таланта А. Бедьчева, выступившего в роли режиссера. Нужна изрядная доля творческой смелости, чтобы нынче ставить эту глубоко символическую, абсолютно разговорную, лишенную действия пьесу. Ведь, написанная в конце прошлого века, она знала всего несколько постановок и ни одна из них не увенчалась успехом, даже МХАТовская, в которой играли В. Качалов, Л. Леонидов, И. Москвин. Но времена меняются. И сегодня пьеса звучит удивительно злободневно, как будто Метерлинк прозрел ситуацию в нашей стране. Можно спорить с как ми-то режиссерскими решениями. Например, вознесение старого священника, на мой взгляд, выглядит красиво и восставшие из гроба несколько назойливы, но несомненное достоинство спектакля не только в его современном звучании, а в сочетании слова, пластики, музыки, живописности мизансцен, которое адресуется не только к мысли, но и к чувству зрителя.

Валом зритель на такой спектакль, конечно, не валит, ибо он требует определенной эстетической подготовки. Но театр считает своим долгом сохранять его в репертуаре. Почему? Ведь мюзиклы — неотъемлемая часть репертуара музыкально-драматического театра — «кормят» лучше, хоть тоже не очень сытно. И опять прозвучала мысль о том, что надо сохранить себя, творческий потенциал, творческое разнообразие. На сей раз об этом говорила Л. А. Костенко, завлит театра, человек постоянно воюющий за настоящую драматургию на сцене, против эрзацев в искусстве.

— Знаете, сейчас иной раз теряется ощущение искусства как другого мира, как чуда, как открытия. Все приземлено. И люди потеряли интерес к театру. Но придут же перемены в жизни, и театр будет обязательно востребован. С чем тогда придет театр к зрителю, если разучится говорить о высоком. вечном? Значит, надо культивировать в себе потребность в таком разговоре.

И в самом деле потребность в художественном многообразии, в развитии искусств — это ли не признак духовного возрождения, о котором мы так любим сегодня говорить. Как же здесь без веры и надежды?

Л. КЛЕВЦОВА.

Чем живет театр? — Надеждой

Послесловие к гастролям

но эстетическое начало в этом красочном спектакле, удивительно тонко оформленном ленинградской художницей Е. Комарицкой, с масками, яркими костюмами и танцами как важнейшим выразительным средством.

Именно балет — это то, что больше всего привлекает внимание к Днепродзержинскому театру. Да, балет, в штате которого 12 человек, под руководством Анатолия Бедьчева стал явлением искусства, о котором заговорили специалисты, которое получило признание на фестивалях и гастролях в Таллинне, Кишиневе, Ленинграде. Имея уже опыт танцовщика и постановщика спектаклей, ушел он из оперного театра и приехал в Днепродзержинск в музыкально-драматический, ибо хотел творить свой балет, невозможный в театре оперы и балета с его канонами.

Тому что делает А. Бедьчев специалисты затрудняются дать определение. И, наверное, с точки зрения чистоты жанра короткие его балеты эклектичны, ибо здесь и танец, и пантомима, и классика. Но что такое чистота жанра в сравнении с тем эмоциональным впечатлением, наполненностью души, которые они несут? Философия, заложенная в каждом балете, доступна зрителю. Но это не доступность примитивизма, она просто идет от жизни, от нашего с вами опыта.

— Я не могу estetствовать, — говорит Анатолий Игнатьевич. — Для того, чтобы человек полюбил театр (а для нашего города это очень важно)

от толпы фанатиков, побивших ее камнями, ибо молился в это время о ниспослании чистоты ему самому. И над трупом женщины посещают его видения людей возвышенных, красивых, лишенных фанатизма и злобы. Не рискует пока передать молодым и роль Циклопа в камерном балете «Дриада и Циклоп». И дело не в технической сложности, а в эмоциональном многообразии, обилии оттенков в развитии характера этого мифологического грубого одноглазого чудовища, покоренного нежной настойчивостью Дриады и познавшего счастье верности, отцовства, тепла.

Интересно работают в балете А. Двинский, С. Шкаликос, ставшие солистами, другие ребята и девушки. Этот маленький коллектив поражает слаженностью, пониманием эстетических задач, умением очень естественно жить на сцене в таком условном искусстве, каким является балет. Но, конечно, украшением здесь является О. Конькова, исполняющая все ведущие партии. Она демонстрирует не только замечательную пластику, владение техникой профессии, но и удивительную точность внутреннего состояния своих героинь, самые тонкие его нюансы. Казалось бы, ну что такое Тень? Крадетса за Человеком, повторяя каждое его движение, и все. Но мы неотступно следим за ней. Это — прошлое Человека (А. Двинский), от которого порой хочется уйти, забыть его, но оно не дает этого сделать. А порой хочется вернуть его. И вот-вот оно уже в руках, но нет, ускользает без-